

ЩИТ И МЕЧ

ЭДУАРД МАКАРЕВИЧ

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА

ШТАТНЫМ И НЕШТАТНЫМ
СОТРУДНИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Щит и меч

Эдуард Макаревич
Секретная агентура

«Алисторус»

2007

УДК 355/359
ББК 63.3

Макаревич Э. Ф.

Секретная агентура / Э. Ф. Макаревич — «Алисторус»,
2007 — (Щит и меч)

ISBN 978-5-9265-0489-4

Агентура – самая большая ценность любой спецслужбы. Это не только сеть шпионов, «добытчиков» информации, а и «собрание» людей, способных изменить мировоззрение граждан и политическую ситуацию. О некоторых агентах, оставивших след в этом мире, с которыми имела дело советская спецслужба, называвшаяся с момента своего рождения в декабре 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем – ВЧК, рассказывается в этой книге. 20-е годы для ВЧК-ОГПУ отмечены судьбами Сергея Мельгунова, Александра Якушева, Николая Гумилева... 30-е годы – время НКВД, время агентов террора. А следом Отечественная война, что породила свой тип агентуры, действующей под маской соглашателей, предателей, или немецких офицеров. И свой тип судьбы, как у Николая Кузнецова и Николая Хохлова. Натиск Красной Армии в Европе на исходе второй мировой войны подвиг лидеров Запада запустить механизм «холодной» войны с Советским Союзом. Недолго был в историческом времени путь от октября 1917 года к «молекулярной» революции, повлиявшей на мировоззрение граждан СССР. Здесь свои герои – от отшельников-эмигрантов из НТС, блиставших именами Андрея Власова, Владимира Поремского, Георгия Околовича, до диссидентов-интеллектуалов, – с которыми боролась КГБ. Обо всем этом рассказывается в книге, отличающейся множеством архивных документов и свидетельств очевидцев тех времен.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0489-4

© Макаревич Э. Ф., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Введение	6
Часть I	11
Александр Пушкин – партнер третьего отделения	11
О Третьем отделении и графе Бенкендорфе замолвим слово	11
Третье отделение и литераторы – путь к взаимопониманию	14
Пушкин и Третье отделение	15
Пушкин: «Общественное мнение имеет нужду быть управляемо»	18
Как боролось Третье отделение с интеллектуалами, бросившими вызов монархии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Федорович Макаревич

Секретная агентура

Введение

Агент в понимании публики – шпион, тот, кто что-то «вынюхивает» и что-то сообщает. Шпионит, одним словом.

Что тут сказать? Кто «вынюхивает» и сообщает, скорее доносчик. Есть такое неприятное слово в русском языке. Но, замечу, доносчик и агент – разные понятия.

Что есть агент? Под этим словом может подразумеваться как простой курьер, передающий послания, так и человек, составляющий эти послания; может даже подразумеваться советник или исполнитель. Агент – это и тот, кто охотится за информацией, и тот, кто действует в интересах кого-либо, тот, кто уполномочен выполнять поручения особого рода. Не зря в историческое сознание въелось: агент Кремля, агент КГБ, агент ЦРУ, агент Антанты, агент «Искры» – газеты, с которой началась партия большевиков.

Агенты разные бывают. В военной разведке – добытчики военной и научно-технической информации. В политической разведке – политические агенты, добывающие политическую и ту же научно-техническую информацию. В политическом сыске – агенты, несущие информацию о настроениях в социальных группах и политических партиях, прежде всего экстремистских. Но и в политической разведке, и в политическом сыске есть высший класс агентурного дела, когда агент превращается в агента влияния, агента политических изменений, в политического агента. Такой агент, я бы сказал, – это человек, облеченный миссией, то есть несущий какую-то идею, руководствующийся ею и при этом нацеленный на выполнение определенной задачи. Выполняющий ее не всегда путем убийств и взломов, а посредством убеждения, переубеждения противника.

Извечный вопрос: чем отличается шпион от разведчика? Вопрос, забавлявший многих юмористов и сатириков: у «них» – шпионы, у «нас» – разведчики. Без ложной патетики, вполне профессионально просветил общественность на сей счет первый директор ЦРУ Аллен Даллес. Шпион тот, кто взломал сейф и добыл документ, а разведчик тот, кто вошел в доверие к владельцу этого документа и убедил его показать ему этот документ, а то и сделать копию. То есть дело в методах, в технологии – от грубых, бесцеремонных до тонких, «бархатных».

Так и политический агент: убеждением подвигает оппонента к нужным политическим шагам. Политический агент – прежде всего человек действующий. Правда, не всегда супермен. Иногда и отступник, но тогда и реальность не меняется из-за его рефлексиирующего сознания и неустойчивой психики. Но это уже падший агент.

Дельных агентов всегда не хватает. За них идет борьба, и цена их в отдельных случаях становится безмерной. А за каждым агентом стоит его пастырь. Пастырь здесь не то же, что пастух, а наставник. Учитель, руководитель, шеф, советчик, иногда друг. Реальные дела подсказывают, что цена и судьба агента часто зависят от личности пастыря. Они, конечно, связаны, но агент на острие дела.

Сложное понятие – агент. Информатор в большинстве случаев – начальная ступень. Николай Кузнецов начинал в роли информатора о настроениях ссыльных, а стал выдающимся разведчиком времен Великой Отечественной войны. Но информаторы – массовая база агентурной работы.

Вспомним историю – Павла Елисеевича Щеголева, русского историка начала прошлого века, исследователя российского политического сыска: «Кажется, не осталось общественного слоя, общественной группы, которая не имела бы счастья в первые дни революции открывать

в своих рядах презренных сочленов и товарищей, работавших в охранных отделениях: журналисты, священники, чиновники, члены Думы, члены партий, члены Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, почтальоны, офицеры, учителя, врачи, студенты и т. д.». «И так далее» – воистину диапазон агентурного наблюдения был необозрим.

А вот и образец документа, регламентирующего агентурную работу. Какой психологизм, какая любовь к делу светится в строках «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях», разработанной в Департаменте полиции и утвержденной министром внутренних дел Петром Аркадьевичем Столыпиным в 1907 году: «Залог успеха в приобретении агентур заключается в настойчивости, терпении, сдержанности, также осторожности, мягкости, осмотрительности, спокойной решительности, убедительности, проникновенности, вдумчивости, в умении определить характер собеседника и подметить слабые и чувствительные его стороны, в умении расположить к себе человека и подчинить его своему влиянию, в отсутствии нервозности, часто ведущей к форсированию. Изложенные качества каждый занимающийся розыском офицер и чиновник должны воспитывать и развивать в себе исподволь, пользуясь каждым удобным случаем».

Этот текст из 1907 года. Но во все времена спецслужбы из разных стран роднило, объединяло именно такое отношение к воспитанию агентов.

Плод деятельности агента – агентурное сообщение. Но в чем тогда разница между доношением и агентурной деятельностью? Вот С.Королев в своей книге «Донос в России» утверждает и не без оснований, что в течение столетий донос не считался на Руси чем-то зазорным; скорее доношение можно рассматривать как норму взаимоотношений индивида и государства, норму не политическую и не социальную, а как некое общепринятое правило поведения в рамках достаточно жесткой технологии власти». Скорее это и имел в виду Петр I, когда создавал институт фискалов для борьбы с должностными злоупотреблениями, что, конечно, оживило доношение среди простых людей. А Сталин ввел за недоношение уголовное наказание (статья 5812 в Уголовном кодексе РСФСР), чем придал политический статус такой форме отношений человека с властью. Тем не менее эта форма больше находилась в нравственной сфере. И гражданин, в меру остроты своих интересов, страха, своего понимания морали, своего понимания отношений с властью, с господствующей идеологией, решал вопрос о доношении. Иное дело агент, человек, добровольно или в силу обстоятельств, но осознанно связавший себя со спецслужбами, взявший обязательство информировать органы безопасности об определенных процессах в той или иной среде. Эта деятельность проходит под руководством оперативного работника и имеет точную нацеленность на определенные явления, связанные с технологией власти. А технология власти «работает» на социальный контроль масс. Для этого власть соответствующим образом организует свое пространство, «формирует» его, рассекает на «квадраты» и «сектора», – по выражению С.Королева. В этом и заключается технология контроля.

Исторических примеров много. Один такой находим в документах Великой Отечественной войны – в донесениях руководителей групп по спецработе в Москве, относящихся к 1941–1942 годам. Эти группы фиксировали разговоры в очередях у магазинов, на фабриках и заводах, в трамваях и банях, то есть в тех же «квадратах» и «секторах». Люди из группы «Леонтия» (псевдоним) 14 декабря 1941 года слушали разговоры у магазина № 3, в магазине на Б.Серпуховской улице; в магазине № 8 завода СВАРЗ в Сокольниках. Сотрудники группы «Климент» 24 декабря 1941 года запоминали разговоры в цехах одного из московских заводов, на почте № 24, в очереди за хлебом у магазина № 20. А группа «Клавдия» в своем донесении отметила политически сомнительные высказывания в одной из бригад фабрики «Мосбель» № 14 и в рабочей раздевалке. Та же группа «Клавдия» 24 апреля 1942 года фиксировала разговоры в очередях у продмага № 6, керосиновой лавки, у магазинов № 1, 14, 10, 63, 201, у мучного склада и в других точках города. Во всех очередях стояли в основном женщины, муж-

чины встречались редко. И какой же вывод делает исследователь? Вполне адекватный: власть путем выборочного, но, несмотря на экстремальные обстоятельства, систематического контроля всех сколько-нибудь важных мест скопления людей обеспечивает тотальный контроль пространства и стремится создать абсолютно полное представление об информации, циркулирующей в этом пространстве – это пространство становится для власти абсолютно прозрачным.

Заметим, что в данном случае речь о тоталитарном обществе. В либеральном обществе «квадраты» и «сектора» контроля исследуются чаще всего социологическими службами, но и спецслужбы тоже не спят. Во Франции в наши дни полицейская разведслужба RG постоянно информирует высшую власть о настроениях общественности. Ее агенты и осведомители действуют во всех департаментах и выясняют отношение французов к правительственным решениям. Предмет особого интереса – ситуация в экстремистских организациях, сектах, во взрывоопасных местах проживания иностранных рабочих.

Собирать информацию, выяснять намерения, мнения, настроения, осведомлять – начальная школа агента. Но предотвратить преступление противников режима или организации, погрузить ее в дразги, склоки и интриги, развалить изнутри, а то и подтолкнуть на конфликт с законом и создать основания для ареста ее активистов – это уже сверхзадача для спецслужбы, требующая агентов высшего класса.

Снова в историю. Начальник Московского охранного отделения Сергей Зубатов продвигал агентов в высшие сферы революционных партий и движений, чтобы потом, пользуясь полученной от них информацией, всех партийных вождей накрыть скопом. А начальник Петербургского охранного отделения в 1905–1911 годах Александр Герасимов, ярый оппонент Зубатова, делал все, чтобы те революционные партии, где в руководящих центрах «сидит» агентура, не накрывать, а контролировать. Герасимов стремился создать такую систему политического сыска, чтобы все центры всех революционных организаций находились как бы под стеклянным колпаком, чтобы каждый шаг партийных организаций был известен полиции, «которая решает, что одно проявление их деятельности, с ее точки зрения менее опасное, она допустит; другое, более вредное, пресечет в корне; одному из членов организации дозволит писать прокламации и выступать с речами на митингах, так как он менее талантлив и его выступления производят меньше впечатления, а другого, более даровитого, посадит в тюрьму». У Герасимова это хорошо получилось с партией социалистов-революционеров (эсеров), когда самый ценный агент Азеф стал руководителем боевой организации партии.

В 1917 году, после Февральской революции, даже остатки разгромленных архивов охраны позволили увидеть масштабы дел агентуры. На герасимовский «колпак» работало около 6,5 тысячи агентов, сотрудников охранных отделений и жандармских управлений. И среди них видные партийные лидеры и функционеры. Самые выдающиеся: у большевиков – Р.Малиновский (автор 88 агентурных сообщений), у эсеров – Е. Азеф. Но и «колпак» не мог остановить революционное брожение. Масштабам агентуры противостоял масштаб революционных партий, их выступлений, их влияния. Энергия партийных активистов трудно контролировалась. Сами чины полиции признавали это. Они ничего не могли поделать с рабочей интеллигенцией, значение которой в революции, по их мнению, было громадно. В аналитической записке Департамента полиции читаем, что эта интеллигенция представляла «новый вид революционных вожаков» и состояла из «распропагандированных сознательных рабочих, получивших революционную подготовку в подпольных организациях и усовершенствовавшихся в тюрьмах и ссылках». Цвет этой интеллигенции сосредоточен в профсоюзах, где ответственные должности занимают рабочие с «солидным революционным прошлым... разбирающиеся в политических и социальных вопросах...».

Грянула революция октября 1917 года. А в декабре родилась ВЧК, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которую возглавил бывший

политзаключенный Феликс Эдмундович Дзержинский. Буквально в несколько месяцев ВЧК обросла агентурой и творчески препарировала некоторые технологии царской «охранки».

Наряду с советской агентурой была, естественно, и агентура антисоветская. Здесь заметная фигура сразу после революции Сергей Мельгунов, профессор, историк, социалист. Он потом напишет книгу «Красный террор в России». От него идейные волны бежали в советские 60-е – 70-е годы, заряжая энергетикой Александра Солженицына, книги которого одно время печатались на Западе при поддержке американского Центрального разведывательного управления. Влияние Мельгунова задело и менее заметных борцов. Они были в рядах эмиграции и предателей, нашедших себя там, на Западе. Самые заметные, обретшие известность – генерал Власов, действовавший под крылом вермахта, а потом СС, потомки белой эмиграции – теоретик «молекулярной» революции в СССР, глава Народно-трудового союза Владимир Поремский и организатор агентурной сети в Советском Союзе Георгий Околович – второй человек в этом союзе.

Обратимся к докладу председателя КГБ СССР Ю. Андропова под названием «О некоторых результатах превентивно-профилактической работы органов государственной безопасности», относящемуся к октябрю 1975 года. За период с 1967 по 1974 год по 70-й статье Уголовного кодекса (антисоветская пропаганда и агитация) были осуждены 729 человек, а 69 984 человека получили предупреждение и отошли от антисоветской деятельности. Знакомый с докладом исследователь-советолог не преминул подчеркнуть, что с 1971 по 1974 год только благодаря профилактике 1839 антисоветских групп ликвидировались уже в тот момент, когда только начинали формироваться.

На антисоветские группы, на этого постоянного врага, воздействовали не только профилактическими приемами. Против них, как говорилось в том же докладе КГБ, применялись «нелегальная агентура и другие методы, не связанные с судебным преследованием» – «лишение советского гражданства» или «компрометация авторитетных членов» подобных групп. Поэтому, как отмечал Ю. Андропов, уже на стадии формирования многие националистические, ревизионистские и иные объединения «были успешно разбиты». Благодаря профилактике, агентурным и иным методам к 1985 году КГБ практически парализовало и разгромило антисоветские, диссидентствующие группы по всей стране.

Питер Рэддэвей, советолог из США, пожалуй, наиболее основательный исследователь деятельности КГБ, вполне обоснованно утверждает, что советское руководство никогда не относилось легкомысленно к проблеме диссидентства. Но при этом П. Рэддэвей не отметил принципиальный момент: советское руководство свело всю борьбу с диссидентством к репрессивным или превентивно-профилактическим мерам, а политические – игнорировало.

А ведь КГБ не раз обращался в ЦК КПСС с предложениями политически определиться с диссидентами, и особо с наиболее яркими персонами. И с националистическими группами и организациями, как с постоянным врагом, в СССР велась беспощадная борьба агентурными методами. Активность этих организаций и групп к середине 80-х годов тоже сошла на нет, но национальные проблемы, питавшие националистов, ждали политических решений, а не сыскных. А правящая коммунистическая партия по-прежнему полагалась только на органы безопасности. Эта ситуация в полной мере дала себя знать кровавыми событиями в период политической перестройки в стране в конце 80-х – начале 90-х годов.

Могут ли органы политического сыска, опираясь на агентуру, сами остановить смену общественно-политического строя в стране, и наряду с этим смену власти? История почти не знает таких случаев. И дело здесь в том, что органы сыска – это всегда инструмент власти. Действуя в отрыве от власти, даже суперпрофессионально, они терпят крах. И власть в критические моменты терпит крах, если у нее нет прочных, доверительных отношений со службами сыска. М. Горбачев так и не мог за все годы перестройки сделать КГБ своим инструментом, тонкая трещина между ним и Комитетом государственной безопасности в отношении мето-

дов преобразований к концу его властвования превратилась в пропасть, в которую его и увлек ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению).

Есть случай и в более давней российской истории. Временное правительство Керенского пало в том числе и потому, что оно, по сути, разогнало профессиональные органы политического сыска. А породив новую контрразведку (так и не вставшую на ноги), посматривало на нее брезгливо, совершенно не представляя ее инструментом своей власти. Зато Ленин и ВЧК действовали в единой связке, и это единство помогло выстоять власти большевиков в Гражданскую войну.

Агенты могут быть инструментом укрепления власти, если спецслужба доверяет им вести сыск во власти, пресекая тенденции разложения ее, или тенденции перерождения своих лидеров, смены ими идеологических ориентиров. А главным доверителем здесь выступает либо вождь (в тоталитарных обществах), либо закон и традиции (в либеральных обществах).

Более 15 лет прошло со дня кончины Советского Союза и его последней спецслужбы КГБ. И в июле 2007 года Федеральная служба безопасности новой России устами начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ В. Христофорова сделала заявление: «У нас хранится информация об использовавшихся при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах деятельности, о лицах, внедрявшихся в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов безопасности, о лицах, оказывавших содействие органам безопасности на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий».

И дальше в этом заявлении говорится, что все сведения, касающиеся штатных негласных сотрудников органов безопасности и лиц, оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну и не подлежат рассекречиванию никогда.

Никогда!

Что бы ни говорили противники этого решения, оно подтверждает важнейший принцип взаимоотношений спецслужб с агентурой: своих агентов не сдаем нигде, никому и никогда. Сила спецслужб – в верности своей агентуре. На том они стояли и будут стоять, если хотят быть успешными...

Эта книга об известных и неизвестных политических агентах периода существования органов безопасности Советской России и Советского Союза – ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, – и о людях, руководивших ими. Рассказано в этой книге и об агентах, действующих с той, противостоящей стороны, и о сломавшихся агентах тоже. Кто-то действительно стал последним бастионом государства, теперь уже не существующего, кто-то уклонился от этой миссии. Познакомимся с ними, и тогда история того времени станет прозрачнее и понятнее.

Часть I

Как рождалась политическая агентура

Александр Пушкин – партнер третьего отделения

Архивные источники и мемуары свидетельствуют, что в эпоху Николая I русские писатели и поэты активно сотрудничали с Третьим отделением личной канцелярии императора, отделением, занимавшимся политической безопасностью государства.

Гений русской литературы Александр Сергеевич Пушкин 11 лет был в тесных контактах с Третьим отделением. Одно время Николай Васильевич Гоголь работал на низшей должности в Третьем отделении. Поддержку от Третьего отделения получали баснописец Иван Крылов, историк Николай Карамзин. Лестную оценку Третьего отделения получил роман Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети». Федор Михайлович Достоевский под влиянием бесед в Третьем отделении стал противником революции и превратился в убежденного монархиста.

О Третьем отделении и графе Бенкендорфе замолвим слово

Почему русские писатели и поэты сотрудничали с Третьим отделением? Что оно из себя представляло в тот период?

Третье отделение было создано императором Николаем I в июле 1826 года, после восстания декабристов 14 декабря 1825 года. Слабая, толком не организованная, неэффективная система органов безопасности при Александре I не сумела предотвратить создание тайных обществ и восстание декабристов.

Николай I задумал новую службу как часть своей императорской канцелярии и поместил ее среди таких отделов-экспедиций канцелярии, как кадровый, подготовки законов и управления губерниями. Канцелярия императора была над всеми государственными ведомствами. Вот в какой статус было возведено Третье отделение – орган безопасности Российской империи.

На Третье отделение Николай I поставил армейского генерала Александра Христофоровича Бенкендорфа. Он – из обрусевших немцев, сын рижского губернатора, мать – баронесса Шиллинг, подруга детства императрицы Марии Федоровны. В 15 лет был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк, а в 29 лет получил генеральский чин за атаку под Велижем в июле 1812 года. Но самая громкая операция Бенкендорфа – рейд с казачьим отрядом по французским тылам через всю Белоруссию до ставки генерала Витгенштейна, чей корпус прикрывал петербургское направление. Портрет Бенкендорфа в военной галерее Зимнего дворца в ряду героев Отечественной войны 1812 года.

После освобождения Москвы от французов в 1812 году царь назначил Бенкендорфа временным военным комендантом Москвы, и он руководил работой по выявлению пособников оккупантов из числа москвичей.

Бенкендорф принимал участие в подавлении бунта декабристов. Был он тогда в должности губернатора Васильевского острова, и действовал довольно решительно. Впрочем, как и в военных операциях. Он преследовал последние части бегущих мятежников, и в методах не стеснялся.

А ведь после Отечественной войны, в 1816 году, он вступил в масонскую ложу «Соединенные друзья». Его братьями по ложе были Грибоедов, Чаадаев, будущий декабрист Пестель. Но уже в 1818 году он покидает масонскую ложу, а Пестель еще раньше. Бенкендорф считал, что высшая идея служения престолу не стала главной для братьев, для «вольных каменщиков».

Пестель тоже был разочарован – российские масоны стояли далеко от жизни и не стремились к политическим изменениям в стране. Пушкин в этом же году пишет одно из самых радикальных своих стихотворений «К Чаадаеву».

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Это все было в эпоху Александра I. Выйдя из масонов, будущие декабристы создали тайный «Союз благоденствия». А Бенкендорф информировал об этом союзе императора. В 1921 году Бенкендорф составил обстоятельную записку о тайных обществах и тоже направил ее Александру I. Она была оставлена без последствий, а спустя четыре года громынуло восстание на Сенатской площади.

Потом Бенкендорф работал в следственной комиссии по делу декабристов, которую возглавил сам Николай I. И мягкостью там Бенкендорф не отличался, хотя и убеждал нового императора быть похитрее и поспокойнее. Но казнь пятерых декабристов руководил лично.

Понравился он Николаю, боевой генерал, верный монархии. «Молод и хитер» – говорили о нем в свете; «апатичный и вялый» – высказывались некоторые современники. Но был он решителен, упрям и честолюбив. Статный, представительный – высокий лоб, прямой нос, тонкие губы, голубые глаза. Эффектная личность.

Удивительно, но уже вечером 14 декабря, когда еще кровь на Сенатской площади не успела замерзнуть после подавления восстания, Бенкендорф осмыслил проект, который подал спустя несколько дней Николаю I. Проект назывался «О высшей полиции». И когда Николай ознакомился с ним, он понял, насколько Бенкендорф близок к его идее создания Третьего отделения. И когда надо было решать вопрос о начальнике его, Николай остановил выбор на Бенкендорфе. Он утвердил его в должности главы Третьего отделения своим Указом 26 июля 1826 года. А месяцем раньше утвердил его шефом отдельного Корпуса жандармов и начальником своей охраны.

А перед этим напутствовал. Бенкендорф попросил инструкций. И как гласит легенда, царь протянул ему белоснежный платок и сказал: «Вот тебе инструкция. Чем больше утрешь слез этим платком, тем лучше».

И Бенкендорф начал выстраивать организацию и работу Третьего отделения – политической полиции России. Главная задача – безопасность престола и спокойствие государства. Было создано 9 экспедиций (отделов).

- Борьба с тайными политическими обществами и революционерами.
- Борьба с религиозными сектами и церковными раскольниками.
- Пресечение коррупции, взяточничества и должностных преступлений.
- Изучение общественного мнения по политическим и идеологическим вопросам, изучение слухов.
- Цензура печати и театральных постановок.
- Крестьянские дела, подавление крестьянских волнений.
- Контрразведка, работа по иностранцам.
- Разведка.
- Расследование важных уголовных и криминальных дел.

Бенкендорф определил и основные методы работы Третьего отделения, сейчас бы ска-
зали – технологии.

Во-первых, центральный аппарат политической полиции в России ничто без местных органов. Этими органами стали жандармские отделения. Раньше жандармы наблюдали за порядком в армии, по сути, они были военной полицией. Бенкендорф приспособил их к делам государственной безопасности. Создал жандармские округа и штабы, восемь округов нарезал по территории России, в каждом 11 губерний. Задачи жандармам определил – наблюдать за настроениями, проводить обыски, аресты, следствия.

Во-вторых, была выстроена система отношений губернаторов и жандармских отделений, губернаторов и Третьего отделения. Бенкендорф настоял на том, чтобы губернаторы не лезли в деятельность жандармских отделений и не пытались ими управлять. Он добился того, что распоряжения Третьего отделения обязательны для всех государственных учреждений, что сотрудничество с Третьим отделением для министров и губернаторов – их служебный долг.

В-третьих, велось наблюдение за министерствами и ведомствами, чтобы пресечь злоупотребления, коррупцию, обуздать бюрократию. Самой заметной здесь была антикоррупционная кампания в 1827–1830 годах среди генералов и губернаторов. Николай I, знакомясь с ее результатами, сказал брату Михаилу: «Похоже в этой империи только мы с тобой не воры». Третье отделение регулярно составляло ежегодные отчеты для императора, в том числе по крестьянскому вопросу. Бенкендорф докладывал: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством», – и говорил о необходимости крестьянской реформы. И Николай начал эту реформу. Но сопротивление бюрократии было столь оголтелым, что дело ограничилось лишь реформой управления казенной деревней. И Третье отделение хотя и продолжало борьбу, но сломать хребет бюрократии так и не смогло.

В-четвертых, в Третьем отделении придавали огромное значение знанию общественного мнения. Что думало и говорило высшее сословие, интеллектуальная Россия? А интеллектуальная публика ничто без общения, без трибуны, без споров. Поэтому ставилась задача – осваивать пространство общения, к которому относили салоны в богатых домах, университеты и толстые журналы. Салоны нередко становились прибежищем интеллектуалов, именно там впервые осознали себя «западники» и «славянофилы», отсюда появился властитель дум Петр Чаадаев. Университеты в свою очередь рождали кружки, где изучали Гегеля, Шеллинга, французских социалистов и критиковали порядки в николаевской России. Толстые журналы тоже требовали надзора, ибо разносили идеи и знания по городам империи.

В-пятых, в Третьем отделении считали, что с наиболее активной, энергетической частью интеллектуального сословия, с радикалами и либералами, нужно уметь работать. Пресекать деятельность радикалов, революционеров, и вести полемику, «разводить», привлекать к сотрудничеству либералов.

В-шестых, принципиально важны тесные, дружеские, доверительные отношения главы Третьего отделения с императором. Это своего рода продолжение статуса службы политической охраны государства.

Эти методы и приемы определили стиль Третьего отделения, который перешагнул века и в той или иной форме нашел себя и в деятельности Особого отдела департамента полиции в начале XX века, а потом и в советских службах безопасности. При Бенкендорфе в Третьем отделении работало 72 человека, 30 агентов работали в Петербурге и Москве – ключевых городах для интеллектуальной и политической элиты.

Сохранившиеся в архиве Третьего отделения многочисленные просьбы и жалобы свидетельствуют, что значительная часть населения позитивно оценивала его деятельность и надеялась найти там помощь и защиту, сталкиваясь с нарушением закона и несправедливостью. Но чиновники и армейские генералы не любили Третье отделение. А за что было любить, если оно занималось проверкой их на благонадежность и антикоррупционность.

У Бенкендорфа были достойные соратники. Прежде всего – это Максимилиан Яковлевич фон Фок и Леонтий Васильевич Дубельт, оба из обрусевших немцев.

Фон Фок – управляющий делами (по сути, начальник штаба). В его ведении аналитическая работа, работа с ключевыми агентами. Монархист по убеждению, он считал, что государственное устройство нужно совершенствовать, а для этого знать надо общественное мнение, чтобы противостоять злу.

Дубельт мыслил несколько иначе – государственное устройство идеально, а критическое общественное мнение – покушение на него. Александр Иванович Герцен сказал о нем: «Дубельт умнее всего Третьего отделения». Именно Дубельт переубедил Достоевского, под его влиянием Достоевский стал православным монархистом и противником революционных идей. Дубельт убеждал, но там, где не помогало, говорил: «Сгноить». Это он так о Белинском и Герцене.

Третье отделение и литераторы – путь к взаимопониманию

Писатели и поэты были самой яркой, активной, творческой частью интеллектуального сословия. Они и их произведения формировали мировоззрение, взгляды, настроения, общественные ожидания, отношение к власти. О некоторых из них можно сказать, что они были властители дум.

И это прекрасно понимал и Николай I и Бенкендорф. В отношениях с писателями и поэтами все чаще находил себя принцип убеждения, сотрудничества, а не принцип оголтелой критики и репрессий. У Николая и Бенкендорфа совпадали взгляды на роль литературы и искусства. Все произведения они мерили политико-идеологическим критерием. Насколько произведение проникнуто державным, монархическим духом, патриотизмом, представляет самодержавие как высшую ценность? Литераторы, создававшие такие произведения, поощрялись, получали должности, хорошо поддерживающие их материальное положение. Поддержку получали Пушкин, Гоголь, Крылов, Карамзин, Жуковский, Булгарин, Греч.

Фаддей Булгарин первым начал сотрудничать с Третьим отделением и скоро стал его агентом, проводником идей Третьего отделения в писательской среде. Булгарин – фигура авантюрного начала. Офицер, умудрившийся повоевать в русской армии против Наполеона и против русских у Наполеона как гражданин Польши, которая тогда была в союзе с Францией. Когда Наполеон капитулировал, а с независимостью у Польши ничего не вышло, Булгарин объявился в Петербурге и занялся писательским делом. Но еще лучше ему удавались писательские проекты. В 1825 году он на пару с литератором Николаем Гречем выпускает в России первую частную газету с правом на политические новости – «Северная пчела», издает русский театральный альманах «Русская Талия». А до этого, еще в 1822 году, начал выходить его журнал «Северный архив», журнал истории, статистики и путешествий, один из лучших журналов тогда в России.

Многие русские писатели и литераторы говорили тогда «спасибо» Булгарину за помощь в продвижении их творений. Грибоедову он помог опубликовать части «Горе от ума». С Пушкиным сложилось сотрудничество, все 20-е годы печатал его сочинения в своих изданиях. Пушкин же относил его к «малому числу тех литераторов, коих порицания или похвала могут быть и должны быть уважаемы». Третье отделение всерьез заинтересовалось Булгариным, его возможностями влиять на писательскую среду и привлекло к сотрудничеству. Чему он и не сопротивлялся, а охотно отдался новой деятельности.

Первый шаг к сотрудничеству, выработанный службой Бенкендорфа, – это предложение подготовить аналитическую записку по определенной проблеме. Так Третье отделение привлекало лучшие умы для анализа ситуации и разработки предложений в целях улучшения управления монархией. Многие литераторы тогда писали аналитические записки по просьбе Третьего отделения. Но Булгарин был первым. И свою первую записку по своей инициативе он написал императору еще в мае 1826 года – «О цензуре в России и о книгопечатании вообще». И там у него занятая мысль: «... Как общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше,

чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством книгопечатания, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных». Среди тем других записок или писем фон Фоку стоит назвать такие: о влиянии на крестьян злонамеренных людей, о влиянии иностранных держав на политический образ мысли в России, о Царско-сельском лицее и о духе оногo, о государственном контроле, о положении евреев в Белоруссии.

Особенно Булгарин сблизился с управляющим делами Третьего отделения фон Фоком. Посещал ежедневно, бывал у него дома. Он стал своего рода советником у него. Аналитические записки, обзоры, анализ ситуаций и настроений среди интеллектуалов, записки по определенным персонам Булгарин теперь готовил по поручению фон Фока. В 1831 году фон Фок писал Пушкину, что Булгарин и Греч – единственные литераторы, с которыми он обменивался литературными мнениями.

В конце 1829 года Николай Васильевич Гоголь оказался в сложной ситуации, испытывал немалые финансовые затруднения. И выход был один – пойти на службу. В поисках ее он обратился за содействием к Булгарину. Тот сразу попросил за него фон Фока, который весьма серьезно отнесся к этому и нашел место Гоголю в канцелярии Третьего отделения. А в 1845 году Николай повелел выдавать Гоголю денежное пособие – ему было назначено по 1000 рублей в год на три года.

Служба в Третьем отделении не унижала. Там служили также такие литераторы 30—40-х годов как В.Враский, П.Каменский, добросовестно исполняли цензорские обязанности С. Аксаков, О.Сенковский, С.Глинка.

Известна эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

Но Пушкин иронизирует скорее не над личностью Булгарина, а над его литературными способностями, считая слабым его роман «Иван Выжигин». Но вот Лермонтов действительно ненавидел Булгарина, как и режим, сложившийся в России, иначе бы из-под его пера не вышли эти строки:

Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

Пушкин и Третье отделение

Интересна история сотрудничества Пушкина с Третьим отделением. Поэт при Александре I был в больших неладах с властью. Причиной тому, конечно, были его сочинения. Одно стихотворение «К Чаадаеву» чего стоит. В 1820 году под видом служебного перемещения (Пушкин служил по линии департамента иностранных дел) его сослали на юг. Кавказ, Крым, Кишинев, Одесса на четыре года стали местом служебной деятельности. А в 1824 году его

вообще уволили со службы и выслали в село Михайловское под полицейский надзор, где он и пребывал до 1826 года.

Но когда императором России стал Николай I, он почти сразу вернул Пушкина из ссылки. В сентябре 1826 года состоялась его встреча с поэтом. Беседуя, Николай произнес ключевую фразу: «Я буду вашим цензором». Кто из монархов мог поставить себя рядом с Николаем I в деле общения с поэтической звездой?

Все дальнейшие обращения Пушкина к императору, все вопросы, связанные с изданием его произведений, решение возникающих проблем шли через Бенкендорфа. За 11 лет, с 1826 года и до своей гибели в январе 1837 года, Пушкин написал Бенкендорфу 58 писем, в среднем одно письмо – каждые два месяца. А кроме писем Пушкин почти еженедельно наведывался в Третье отделение – беседовал с Бенкендорфом, общался с его людьми. А вечерами он часто бывал у Бенкендорфа дома, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Такова была интенсивность контактов за 11 лет. И тому, и другому эти встречи были интересны.

Пушкин царя читил и верил самодержцу. Свидетель Н.Гоголь: «Только по смерти Пушкина обнаружились его истинные отношения к Государю и тайны двух лучших сочинений («Герой» и «КН»)». Пушкин высоко слишком ценил всякое стремление воздвигнуть падшего. Вот отчего так гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры, – черта, которую едва ли показал кто-либо из венценосцев, и которая вызвала у него эти замечательные стихи».

В 1834 году Бенкендорф и государь прочитают перлюстрированное письмо Пушкина жене: «Видел я трех царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут».

Узнав, что его частное письмо стало известным, гневается Пушкин, но царя не топчет. «Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Некоторые особенности натуры поэта – общительность, непосредственность, понимание характеров – позволяли надеяться, что его удастся привлечь к сотрудничеству с Третьим отделением. И оно фактически началось. Пушкина попросили подготовить записку «О народном воспитании», то есть по сути о воспитании патриотизма (характеристика проблемы, высказываемые идеи, позиция лиц, озабоченных просвещением и воспитанием). Это было в 1828 году. И он написал хорошую записку. Пушкин отметил роль престола в воспитании, роль патриотизма, пагубное западное влияние, отметил рукописи, ходящие по рукам в учебных заведениях, подчеркнул проблемы воспитания в учебных заведениях, необходимость системы информирования воспитанников.

Бенкендорф высоко оценил записку Пушкина о «Народном воспитании». И сказал в своем окружении: «Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно».

Предложение о сотрудничестве, по сути, предложение стать агентом Третьего отделения последовало Пушкину от Александра Ивановского – сотрудника Бенкендорфа. Он беседовал об этом с Пушкиным у него дома, когда тот болел, был в депрессии после отказа в прошении поехать в Париж. Пушкин, в конце концов, согласился с предложением Ивановского. Тем более, тот ему объяснил, что возможность путешествовать явно возрастет в случае сотрудничества. Договорились, что Пушкин утром приедет к Бенкендорфу, чтобы продолжить разговор. Но утром Пушкин отказался от этой затеи. У него была способность принимать быстрые решения, а поразмыслив, он нередко менял их.

Но контакты Пушкина с Третьим отделением продолжались, продолжалась переписка с Бенкендорфом. Пушкин идейно поддержал политику царя в деле подавления волнений в

Польше в 1830–1831 годы, поддержал действия войск генерала Паскевича, усмирявших бунтовщиков. Поддержал своими высказываниями и оценками, а главное – своим поэтическим словом, сначала, еще до взятия Варшавы, в стихотворении «Клеветникам России», где не только о Польше. Он бросает упрек просвещенной Европе. А ведь упрек-то до сих пор современен.

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

...За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

А после известия о взятии Варшавы, что совпало с годовщиной Бородинского сражения, он пишет стих «Бородинская годовщина».

Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

.....
Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Общественное мнение во многом под влиянием Пушкина с пониманием восприняло действия императорской власти в отношении Польши и перемолото брюзжание Европы по сему поводу.

А Пушкину разрешили работать в архивах над историей Петра I. Кроме того, он был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел (номинально) с жалованьем 5 тысяч рублей в год.

Когда Пушкин решил издавать «Литературную газету», он обратился за помощью к Бенкендорфу. По просьбе Третьего отделения ему было выделено из казны 20 тысяч, потом еще 30 тысяч рублей.

Еще раз Пушкин обратился к Бенкендорфу во время конфликта с тогдашним министром образования президентом Академии наук Сергеем Семеновичем Уваровым, курировавшим

печать. Тот неодобрительно относился к литературно-издательским планам Пушкина. Но главное, он ненавидел Пушкина за его эпиграмму о нем, задевавшую его мужское самолюбие.

Эпиграмма сия известна хорошо.

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ж... есть.

Князь Дундук – это Михаил Андреевич Дондуков-Корсаков, председатель Петербургского цензурного комитета. У него с президентом Академии Уваровым были «любовные» отношения. Уваров и поспособствовал продвижению своего «любовника» в вице-президенты. Об этом и эпиграмма. Было за что Уварову ненавидеть Пушкина. Скандал случился отменный. И урегулировал его Бенкендорф, за что Пушкин был ему очень благодарен.

Пушкин: «Общественное мнение имеет нужду быть управляемо»

По сути Пушкин и литераторы его круга в 30-е годы XIX столетия выбирали не роль оппозиционеров, а партнеров правительства, а точнее, Третьего отделения, как части императорской власти. Партнерами власти они становились потому, что не чужды им были некоторые замыслы ее.

В то время в России было два течения в оппозиции: революционное (это ненавистники самодержавия Герцен, Огарев, Сунгуров, Белинский, братья Критские), и либеральное, в котором конфликтовали «славянофилы» и «западники». Пушкин, Вяземский, Баратынский, Хомяков принадлежали к «славянофилам», Чаадаев к «западникам». Революционеры жаждали революции, либералы считали – революция не нужна, а нужны реформы сверху с учетом народного мнения. Только при этом «славянофилы» были патриотами России, а «западники» видели ее подобной Европе во всем. Взгляды и интересы «славянофилов» Третьему отделению были ближе. Оно вообще на реформы смотрело, как и подобает спецслужбе, через призму патриотизма.

После того как Александр I не решился на реформы, Николай I пытался взять на себя роль революционера сверху, подчеркивая преемственность с Петром I. Когда Третье отделение дало Николаю информацию о положении в стране, о ситуации с крестьянством (как говорил Бенкендорф: «Сидим на пороховой бочке»), был задуман ряд реформ. Главная – ослабление, а потом и отмена крепостного права. По поручению императора шла работа над десятками тайных проектов, над проектами по крестьянскому вопросу работали одиннадцать секретных комитетов. Но итог оказался неутешительным, удалось лишь реформировать управление казенной деревней. Не пошли реформы в полной мере из-за сильного, прямо-таки звериного сопротивления бюрократии и дворянства. Об этом Третье отделение предупреждало Николая. Но не хватило ему духа стукнуть кулаком по бюрократии и ее соратникам – дворянам. Россия все же развивалась, не ахти как быстро по сравнению с Европой, но развивалась. И это придавало наглости противникам реформ.

В ряду патриотов, единомышленников Третьего отделения, был и Гоголь. Его пьеса «Ревизор» (сюжет подсказан Пушкиным, да и реально была такая история) была по разгулявшимся, коррумпированным чиновникам, не хотевшим реформ, наносившим урон самодержав-

ной власти. Сам Николай разрешил эту пьесу. Его первые слова после премьеры: «Ну и песка, всем досталось, а мне более всех». А чиновники, высшее дворянство возмутились этой пьесой.

Патриотизму повезло больше, чем реформам. Пушкин был идеологом этого идейного течения. Как говорил философ и публицист Василий Розанов, только с Пушкина начался тот настоящий русский патриотизм, что предполагает уважение русского к душе своей. Пушкин открыл русскую душу. Но и он же размышлял, как воспитывать патриотизм.

В том же 1831 году он пишет Бенкендорфу: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнить волю Его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению».

Здесь у Пушкина идея, обогнавшая время – «общее мнение имеет нужду быть управляемо». Эта идея, ставшая через 100 лет квинтэссенцией пропаганды и «паблик рилейшнз», тогда, конечно, была недооценена, примитивно понята. По большей части все свелось к уже-сточению цензуры. Только друг Пушкина – Вяземский делает попытку вернуть идее перво-зданный смысл. В 1833 году он предлагает создать официальную газету, находящуюся под контролем правительства и проводящую его политику. Опять-таки для того, чтобы управлять общественным мнением, но не путем запретов и репрессий, а путем объединения людей близких мировоззрений и предоставления им трибуны для дискуссий.

По-своему видел пути влияния на общественное мнение и Бенкендорф, хотя он и отдал должное идее Пушкина. В связи с этим интересна ситуация с книгой маркиза де Кюстина о путешествии по России – «Россия в 1839 году». Прочитав ее, Бенкендорф сделал вывод – клевета. Но общество обсуждало, пересказывало. И Бенкендорф задумал акцию противоположную – издать книгу-опровержение. Остановился на сподвижнике Булгарина – писателе Николае Грече, как авторе такого опровержения. И тот согласился исполнить заказ. Прием, который через столетие нашел себя в практике советских спецслужб.

Как боролось Третье отделение с интеллектуалами, бросившими вызов монархии

С писателями и литераторами, выступавшими против монархии, проповедующими нигилизм, западничество, а то и русофобию, неприятие русских национальных традиций, не шедшими на сотрудничество, Третье отделение работало жестко. Их предупреждали, арестовывали, высылали, объявляли психически неуравновешенными. Это касалось Чаадаева, Герцена и Огарева, Белинского. Они были откровенными противниками монархии, отчасти приветствовали социалистические идеи. Третье отделение пыталось воздействовать на некоторых из них, используя мнение литераторов иных взглядов и убеждений.

Боль Бенкендорфа – Петр Чаадаев, энциклопедически образованный, в прошлом офицер гвардии, участник войны с Наполеоном, друг Пушкина и декабристов. В октябре 1836 года в 15-й книжке «Телескопа» вышло философическое письмо Чаадаева. Читая его, Бенкендорф морщился и аккуратно подчеркивал вызывавшие неприятие строки.

«Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, – вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его пред вами живо и картинно».

«Одиноким в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами...»

«...Великий государь, приобщая нас к своему славному предназначению, провел нас победоносно с одного конца Европы на другой; вернувшись из этого триумфального шествия через просвещеннейшие страны мира, мы принесли с собою лишь идеи и стремления, плодом которых было громадное несчастье, отбросившее нас на полвека назад. В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу».

Прочитанное заставило генерала надолго задуматься. Что делать? Как оградить престол и общество от своеобразных философических наветов? Отправить автора в ссылку, как Герцена в свое время? Выслать за границу? Но как поймет общество? Ведь очень популярен Петр Яковлевич, душа и интеллектуальная звезда московских салонов. И в Петербурге известен.

Пушкин должен высказаться, выразить свое понимание России, – к такому заключению пришел Бенкендорф. И Пушкин высказался. Его письмо ходило в обществе и оно окончательно размежевало «славянофилов» и «западников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.